

ПРОСИТЬ У БОГА - ЕСТЕСТВЕННО

Священник Александр ЛЕБЕДЕВ
отвечает на вопросы
о Боге, вере и Церкви

Вот вы говорите: Бог благ, Его всеблагая воля. А как эта воля может допустить вечные муки, разве это справедливо: например, украл пять рублей - а мучаться не пять лет, не пятьдесят, а вечно? Это даже по самым варварским человеческим меркам дико. А вы приписываете Богу такое. Ведь Христос, проповедуя на земле, всех прощал, так почему бы не надеяться, что и в будущем всех простит?

В том, что у Бога хватит милости на всех, я не сомневаюсь, но, как мне представляется, далеко не каждый человек согласится быть помилованым. Не так давно в русском языке появилось слово «бомж». Сейчас, думаю, мало кто не знаком с представителями этого племени. Бомжей принято жалеть - и правильно, кое-кто пытается им помочь - и это верно. Но как это сделать? Дать денег - пропьют, неоднократно проверено на опыте, разве что накормить-напоить, ну и одеть-обуть. Находились на моей памяти доброхоты, пытавшиеся более радикально устроить жизнь одного из таких бродяг. Установили его личность, определили в ночлежку, стали хлопотать о признании его инвалидом, договариваться о помещении в интернат. Казалось бы, что может быть в данной ситуации лучше: получаешь документы, постоянный источник денег (пусть не таких уж больших, но всё же), регулярное питание и постоянное жилье. Догадайтесь с одной попытки: чем эта история закончилась? Через некоторое время этот несчастный из ночлежки сбежал: ничего из ожидавших его благ не смогло затмить перспективу вольной

жизни и неприглядной смерти в пьяном угаре в луже собственных нечистот под забором. Видимо, бомжевание для него по внутренним ощущениям было более ценным, более желанным, чем то, что ему предлагалось в качестве помощи, то, что принято называть сносной жизнью.

Я готов допустить мысль о том, что человек, подобно упомянутому бомжу, может сознательно избирать путь зла и мучений, и даже вечных мучений, и этот путь будет для него предпочтительнее вечной радости. Ведь что такое вечная радость? Это отблеск общения с Богом. А если человек с Богом не знаком и знакомиться не хочет? Будет ли для него богообщение радостным? Или мучительным? Скорее, такой человек изберет «бомжевание» в аду как вариант меньшего из возможных страданий. Как такого человека можно простить? Как сделать его способным проживать в раю? Операцию на мозге по изменению сознания сделать? Стереть прежнюю личность и перепрограммировать на вечный восторг? Но кем тогда будет результат перепрограммирования - весёлым зомби? Вы таким представляете себе население рая?

Тот, кто говорит, что Христос всех прощал - ошибается и, видимо, плохо читал Евангелие. Христос прощал далеко не всех, а лишь раскаивающихся грешников. Он Сам говорил: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (**Мф, 9,31**). А самодовольные и самодостаточные книжники и фарисеи, искренне не понимавшие, в чём им-то каяться, ведь они столько хороших дел совершают, - что они услышали от Христа? «Змии, порождения ехидниной! как

убежите вы от осуждения в геенну?» (Мф. 23,33). Раскаивается человек или не раскаивается - вот что важно для прощения, а не количество добрых или злых дел. Разбойник, с места казни сразу попавший в рай, имел безнадежнейший баланс добрых и злых дел, и наоборот - книжники и фарисеи, которым Христос предвещал геенну, имели, казалось бы, самый надежный профицит добрых дел. Так что более важно (признаю всю рискованность этого утверждения) не то, что ты делаешь, а то, кем ты являешься. Потому что именно цель поступка, внутренняя его мотивация, состояние сердца совершающего поступок человека делает его (поступок) добрым или греховным.

Как может Всеблагой Бог допустить вечность мук - для меня тоже загадка. Я бы рад, думаю, как и всякий другой, предположить, что мы, люди, просто как-то не так поняли Христа. Но чрезвычайно сложно как-то иначе понимать Его категоричные слова: «Если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромому, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк. 9, 43-48) Какой яркий образ: червь не умирает и огонь не угасает! Разве возможно его понимать иначе как указание на непрекращающиеся муки?

Есть еще одна лазейка, позволяющая уильнуть от признания вечности мук: может, Христос нас - не знаю, как и сказать-то, - запугивает, что ли, чтобы неповадно было грешить? Кому как, но, на мой взгляд, такой педагогический прием, основанный на скрытии и исказении истины, а стало

быть, на лжи, больше подходит к арсеналу не Отца Небесного, а «отца лжи» - дьявола.

Надежды на будущее всепрощение опираются на предположение о том, что когда человек лицом к лицу столкнется с ужасающей реальностью загробных мук, он истощно и судорожно обратится к Богу, хотя бы от страха, ища помощи. Увы, склонен думать, что это не так. Бог не откладывает возможность вразумления человека на потом, Он уже при жизни исчерпывающе дает понять каждому, какое будущее может его ожидать, и если человек остается глух к этому здесь - таким же он будет и там. Вспомним богача из притчи Христа о богаче и Лазаре: он, будучи мучим в аду, попросил праведного Авраама: «Прошу тебя, отче, пошли его (Лазаря - **прот. А.Л.**) в дом отца моего, ибо у меня пять братьев, пусть он засвидетельствует им, чтоб и они не пришли в это место мучения». Авраам сказал ему: «У них есть Моисей и пророки; пусть слушают их». Богач же сказал: «Нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются». Тогда Авраам сказал ему: «Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (Лк. 16, 27-31). Вот так: не поверят, не ужаснутся и не станут пытаться избежать.

Согласовать существование Всеблажого Бога и существование вечных мук невозможно, но невозможно и обратное - отрицать благость Бога или вечность мук. Мы сталкиваемся, как, впрочем, нередко случается в православном богословии, с антиномией, когда два по-видимому противоположных положения верны одинаково. Вспомним, к примеру, догматическую антиномию о единичности и троичности Бога. В случае с вечностью мук, на мой взгляд, мы сталкиваемся с чем-то подобным - с нравственной антиномией.

Почитал я Библию, а там - многое: у Авраама, у Иакова по две жены, и ничего страшного - Бог с ними общается. Так почему же сейчас говорят, что, кро-

ме жены, не должно быть никого?

Есть такое выражение - из грязи в князи. Оно описывает внезапный переход человека из низменного состояния в достойное и почетное. Но оно пропускает некий промежуточный этап - отмывание от грязи. Любой, кто пробовал отмыть въевшуюся грязь, знает, что быстро это не получается, порой она в течение нескольких дней остается в складках и порах кожи и очень постепенно сходит. Нечто подобное происходит и с нравственной грязью - невозможно внезапно сделать человека добродетельным, его нужно долго воспитывать, постепенно ограничивая его низменные проявления. С этой точки зрения наличие двух жен у ветхозаветных патриархов, как, впрочем, и установление Мухаммеда, позволяющее иметь четырех жен, - это меры не разрешающие, а ограничивающие многоженство. Да, ограничивающие, и оставляю на волю вашей фантазии предполагать, каково же было положение с женским вопросом у племен, среди которых жили Авраам и Иаков. Женщина редко воспринималась в качестве человеческого существа, чаще - как некая одушевленная вещь, а кто может запретить (особенно богачу) умножать свое имущество? Наличие у патриархов, при всём их богатстве, всего лишь двух жен на общеисторическом фоне, действительно, характеризовало их как людей повышенной нравственности.

История не стоит на месте, всё изменяется, в том числе и состояние нравственности. Изменения эти происходят закономерно, поэтому после перехода от многоженства к двоеженству вполне логичным представляется следующий переход - к моногамии. Люди (в большинстве известных сообществ), хоть и постепенно, но всё же приблизились к изначальному, райскому состоянию, когда «оставит человек отца своего и матерь свою, и прилепится к жене своей, и будут два - одна плоть» (**Быт. 2,24**). Моногамия всё же заслуженно считается нормой.

Получается, что для древних патриархов двоеженство было шагом, приближающим их к раю, а для нашего современника это будет шагом в совершенно противоположную сторону.

Все чего-то хотят от Бога: кто - земного благополучия, а кто - небесного. Но нормальные, искренние отношения должны быть бескорыстны, по крайней мере, так это у нас, людей. Что же верующие с Богом-то торгаются? Это разве нормально?

Чего-то хотеть от Бога не постыдно, а естественно. Для человека вообще естественно оценивать все явления окружающего мира с точки зрения полезности. Поэтому отсутствие каких-либо желаний по отношению к Богу говорит о том, что Бог не воспринимается как реально существующая и действующая величина; существование Бога, возможно, признаётся, но Он выносится за скобки нашей жизни, человек живет помимо Него. И с этой точки зрения тот, кто имеет хоть какие-то, пусть и корыстные, интересы к Богу, лучше, чем тот, кому Бог не интересен вовсе.

Есть такое направление в религиозной философии - деизм. Он говорит, что Бог создал мир как некий механизм, запустил его, как заводят часы, и удалился - дальше всё идет само собой по отлаженным законам и не требует вмешательства. Верующие же считают, что Бог не только «где-то там» существует, но ежесекундно существует в нашей жизни. Поэтому возможно то, что принято называть религией, то есть связью с Богом. И это - самое важное из всего, что может человек от Бога хотеть.

Конечно, корыстное отношение к Богу возможно, человек может исполнять заповеди и считать, что Бог ему за это чем-то обязан, но такого человека ждет большое разочарование. Христос об этом предупреждал: «вы, когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (**Лк. 17,10**). В том, что чело-

век соблюдает заповеди, особой его заслуги нет, как нет заслуги рыбы в том, что она плавает, а птицы в том, что она летает - все они лишь живут в соответствии со своей природой. Человеку естественно быть нравственным, как рыбе - плавающей, а птице - летающей. Главное желание и стремление православного человека - попытаться вернуть то естественное нравственное состояние, которым обладали люди в раю. Так что единственная наша корысть - быть такими, какими нас задумал Бог. А чего еще сверх этого, каких других благ можно хотеть от Бога?

Бог есть любовь, и главная заповедь - это заповедь о любви к Нему, и если она (любовь) есть, то все отношения, даже корыстные, приобретают особый оттенок. Нечто подобное мы видим в отношениях родителей и детей. Родители заботятся о детях, эта забота имеет материальное выражение, и дети этим пользуются - это естественно, а могут и дополнительно родителей о чем-то просить - это не менее естественно, но никому в голову не придет утверждать, что детская любовь к родителям - это любовь неискренняя, продажная, любовь за деньги или за чупа-чупсы. Подобным должно быть наше отношение к Богу, ведь не ради красного словца мы Его называем Отцом, а Он нас - детьми.

Мне как-то стыдно исповедоваться. Я не безгрешен, признаю, и о многих моих делах сожалею, но зачем о них знать священнику? Это так унизительно. Неужели это необходимо ради прощения грехов?

Это действительно необходимо потому, что в деле прощения грехов не мы, люди, определяем правила, следовательно, не нам их и отменять. Так установил Христос, что в Церкви есть лица, имеющие от Бога власть прощать грехи, лица, через которых Святой Дух непостижимым действием очищает душу кающегося от грехов. Однажды, после Своего воскресения Христос явился ученикам, «дунул, и говорит им: примите Духа Святого.

Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (**Ин. 20, 22-23**). Речь здесь идет не просто о прощении обид, - все мы призваны прощать грехи ближних против нас. Речь об особом действии, на которое стали способны апостолы в силу некоего воздействия Святого Духа, - о прощении грехов от лица Бога. Как известно, апостолы рукоположили себе преемников, передав им власть прощать и оставлять грехи, подобным образом власть эта в Церкви передается по сию пору, и ею обладает духовенство - епископы и священники.

Поделюсь личными переживаниями по обсуждаемому вопросу: я тоже был бы рад, если бы прощение грехов подавалось людям через какую-то иную процедуру. Мне, как священнику, поверьте, не составляет удовольствия приобщение к знанию неприглядных сторон душ и жизней людей. Однако приходится принимать то положение дел, которое существует.

Стыд в деле исповеди нормален, естественен, но его нужно не то что побороть (если поборешь - рискуешь стать бесстыжим), а пережить, перетерпеть. Есть кое-что, что помогает согласиться на прохождение сквозь стыд признания своих грехов. Прежде всего нужно понимать, Кому мы исповедуем свои грехи - не священнику, а Богу, поэтому и стыдиться нужно не священника, а Бога. Чаще всего боятся: «Что подумает обо мне священник? Он, наверное, будет меня презирать». Всё это совершенно не важно, а важно: простит ли меня Господь или нет, исцелит мою душу, очистит от грехов - или мне придется и дальше идти по жизни, чавкая ногами в жиже болота своих грехов, погружаясь в него всё глубже и глубже, пока не... Даже подумать страшно, что может ожидать в итоге.

Во-вторых, не помешает знать, что тот стыд, который нас отпугивает от исповеди, нам всё же неизбежно предстоит перенести, и в гораздо большей степени, на Страшном суде, когда наши греховные язвы станут явными

не только для нас, нашей совести, но и для всех других. Христос говорил, что всё тайное станет явным. Без всяких преувеличений, щемящий душу страх и стыд берет при мысли о том, что греховные наши дела, движения души, которые мы привыкли скрывать от других, в которых мы сами себе часто боимся признаться, станут очевидны всем. Всем! Так что человек, сгорая от стыда приносящий исповедь, избегает еще большего стыда в будущем, когда грехи, изглаженные из души покаянием, Господь не помянет.

Тем же, для кого имеет значение, что подумает о приносящем исповедь священник, скажу, что страх и стыд - это только часть тех чувств, которые испытывает человек на исповеди. Если пройти через их очищающее действие, то на смену им приходит радость. Совершенно особая радость, в которой есть и облегчение, которое ощущается чуть ли не физически; и успокоение совести; и переживание примирения с Богом, похожее на чувство возвращения в родной дом, где все тебя любят и ждут; и надежда на начало жизни «с чистого листа»; и благодарность Богу за спадающую с души гору грехов. К моему великому счастью, это чувство обоюдное: и кающегося, и исповедующего. Поэтому я искренне благодарен Богу за то, что Он дал мне эту радость в жизни - принимать исповедь, быть свидетелем возрождения душ человеческих.

У меня есть грех, который я осознаю, но понимаю, что прекратить его не смогу. Если я приду на исповедь, то не будет ли это лицемерием: просить прощения, зная, что буду продолжать грешить?

Исповедь часто сравнивают с лечением. Это, действительно, хорошее сравнение. Подходит оно и к нашему вопросу. Когда мы обращаемся к врачу за помощью? Когда болезнь уже прошла или же когда чувствуем, что не можем от неё вылечиться? В первом случае обращение к врачу бесмысленно, а вот второй случай - как

раз наш. Именно тогда и нужно идти, бежать на исповедь, когда мы понимаем, что своими силами ничего с нашими грехами поделать не можем. И в том, что человек это признаёт, нет никакого лицемерия. По большому счету, никто из нас не может дать гарантии неповторения любого из наших грехов, ведь бывало же такое в жизни - совершаешь поступок, допускаешь мысль, испытываешь чувство, которых сам от себя не ожидал. Так как же мы можем быть уверены в том, что не повторим того или иного греха? И неужели теперь все наши исповеди лицемерны? Конечно, нет.

В исповеди важно отношение человека к греху - признание его (греха) постыдным, грязным; важно и намерение человека - бороться с этим грехом, несмотря ни на что, даже на отсутствие сил. Если то и другое в сердце есть - исповедь настоящая. Ведь главное в борьбе с грехом - ввязаться в битву, пусть и безнадежную, потому что лучше быть побежденным в бою, чем сдавшимся без малейшего сопротивления.

Ощущение собственного бессилия перед грехами учит нас правильному отношению к исповеди как средству помощи в преодолении этого бессилия. Ведь исповедь - не монолог, исповедь - Таинство, а значит, кроме внутренних переживаний человека, молитв и внешних действий священника, в ней есть еще и действие Бога. Действие не только очищающее, но и укрепляющее. Надежда на то, что с помощью Божией, и только с ней, возможно (рано или поздно - это уже другой вопрос) преодоление грехов, побуждает человека идти на исповедь, даже если он предполагает, что не сможет оставить своего греха. Так что каяться нужно и в грехах, и в своем бессилии, после исповеди - бороться с грехами, хоть минуту, час, два, день прожить без них, уж если падать, то не без боя, и потом опять приносить покаяние. И так всю жизнь.

Покаяние должно быть искренним, с этим я согласен. О серьезных грехах, понятно, можно ис-

крепко переживать, а как возможно глубоко раскаиваться в мелочах? Глупо как-то рвать на себе волосы из-за безбилетного проезда, например?

Прежде всего хотелось бы предостеречь от классификации грехов по принципу их величины. Один большой камень, несколько кирпичей или мешок с неисчислимymi песчинками, привязанные на шею человека, одинаково увлекут его на дно. Так и с грехами - губительны все до единого.

Кроме того, человеческие инструменты по измерению грехов очень несовершенны и далеко не совпадают с эталоном мер Бога. Например, среди людей считается, что слово «весит» меньше, чем дело, грех языком простительней греха руками. Но вспомним разбойника на кресте - несколько его слов перевесили всю его греховную жизнь, а он в течение этой жизни наверняка и убивал, и грабил. Или вспомним молящегося фарисея из притчи: несколько слов его молитвы (молитва, казалось бы, - хорошее дело) свели на нет плоды его добродетельной жизни (см. **Лк. 18, 9-14**). Так и мы, разделяя грехи на большие и малые, рискуем жестоко ошибиться. Не забудем, на кону - наша жизнь, вечная жизнь.

Кроме того, грехи, которые мы ощущаем как мелкие, как правило, самые въедчивые, от них очень трудно избавиться. Есть притча о некоем старце, позвавшем двух своих учеников и наказавшем одному принести с берега реки самый большой камень, который он сможет поднять, а другому - мешок мелких камней. Когда оба ученика справились с заданием, он предложил им вернуть камни на свое место. Ученик с большим камнем справился быстро, второй ученик так весь день и ходил с мешком, а затем вернулся к старцу и признался в своем бессилии выполнить послушание. Так и с грехами. Раскаявшийся, например, в убийстве, человек имеет неизмеримо больше шансов не вернуться к своему греху, нежели раскаивающийся, допустим, в осуждении.

Рвать на голове волосы из-за без-

билетного проезда, согласен, странно, но размышления над причиной этого грешка вполне могут дать повод для такого поведения. Представим себе людей, купающихся у берега моря. Вдруг все они стали поспешно из моря выбегать, и лишь один купальщик остался в воде. Спрашивает людей, чего они испугались, ему указывают на рассказывающий волны треугольный плавник. «Какая ерунда! - заявил этот человек, - эта штуковина и всего-то размером с ладонь, нашли чего бояться!» Бедняга, видимо, не знал, что в море водятся акулы. Вывод из притчи сделать нетрудно: всё серьезней, чем может показаться.

Давайте попробуем проанализировать причину безбилетного проезда. Конечно, причин может быть несколько, и различных, но предположим, что в данном случае это жадность. Ну, пожадничал человек, бывает. А теперь посмотрим, насколько глубоко жадность в нас укоренилась: как часто мы от себя что-либо отываем и другим отдаем, не пытаемся ли мы милостыню заменить подачками, не давит ли нас жаба, когда приходится жертвовать чем-то по-настоящему значительным, не стремимся ли мы брать что получше себе, а не оставлять другим. Можно еще поэкспериментировать: отказать себе в каком-то удовольствии, например - не поехать «на юга» в отпуск, а отложенные с этой целью деньги потратить на дела милосердия. Слабо? Вот и получается, что проезд «зайцем», подобно плавнику акулы, - это лишь малая часть хищной и жадной гадины, которая скрывается в глубинах нашей души - страсти сребролюбия. Так что есть все поводы серьезно задуматься о своей безопасности.

Как часто нужно исповедоваться?

Исповедоваться нужно каждый раз, как чувствуется к этому потребность. Здесь, как и во многом другом, нужно искать золотую середину. Редкая исповедь приводит человека в расслабленное состояние и способствует умножению грехов. Есть такое

наблюдение: человек обходит лужи до тех пор, пока не промочит ноги, а потом ему становится всё равно - шлёт-пает напропалую. Так и с грехами: совершил человек некий грех раз, два, а там и дальше покатилось - всё равно ведь если придется каяться, то «оптом» сдать грехи проще, чем в «розницу». «Семь бед - один ответ» - это психологически как-то комфортней, чем семь бед - семь ответов. Беда в том, что подобная комфортность укращает совесть, делает её покладистой, беззубой, а исповедь - бесплодной. Ведь Бог милует человека не за отчет о проделанных грехах, а за сокрушенное сердце, и если сокрушения нет, то на помилование рассчитывать трудно.

С другой стороны - частая исповедь тоже может снизить остроту покаяния. Когда человек часто исповедуется, как правило, в одних и тех же грехах, он рискует привыкнуть к исповеди, низвести её до уровня обыденного дела, лишить ее остроты и глубины переживаний. Следовательно, плоды и такой исповеди малозаметны. Крайности, как говорится, сходятся.

Поэтому нужно чутко прислушиваться к себе, своему внутреннему состоянию и, балансируя между крайностями, идти средним путем. Все люди разные. То, что для одного - часто, другому может быть редко, так что конкретных предписаний о рекомендуемом количестве исповедей в течение года я дать не могу. Но, в любом случае, исповедоваться нужно не однажды, а несколько раз в году, если есть такая возможность.

Я видел, что в храме на исповедь одни люди подходят с записочками и по ним читают свои грехи, а другие просто так говорят. А как правильно?

Может быть, повторюсь, но скажу: главное условие правильной исповеди - это её искренность. Если записочки этому способствуют - значит, они полезны и правильны, если мешают - соответственно, вредны. Для чего бывает сподручна записка? Для

полной и точной исповеди. Многие приходящие на исповедь люди, особенно непривычные к этому делу, часто теряются. Пока стоишь, ожидая своей очереди - в уме неоднократно «прокручиваются» грехи, о которых нужно упомянуть на исповеди. Но когда встал перед Крестом и Евангелием - все мысли разбежались, и значительная часть грехов, требующих раскаяния, выпала из головы. Это естественно. Грех паразитирует на нашей душе, и как только чувствует приближение исповеди, опасность быть раздавленным, он прячется в закоулках сознания, подобно тому, как разбегаются по щелям тараканы, если внезапно включить свет в помещении, где они хозяйничают. В этом случае записка помогает заранее продумать, осмысльть исповедь, сделать ее полной, не упустить ничего из того, что требуется подвергнуть очистительному действию таинства покаяния.

Вредной записка с грехами становится, если исключает или ослабляет покаянный труд души. Если по ней (по записке) человек зачитывает, часто - торопливо, перечень грехов, как отчет о проделанной работе. Между стремлением ничего не упустить на исповеди и стремлением искренно попереживать о содеянном крен все же должен быть в сторону душевных переживаний. Милость Божия изливается всё же на сокрушенное и смиренное сердце (см. **Пс. 50,19**), а не на подытоживающий греховную деятельность рассудок.

Кстати будет дополнить ответ замечанием, что в исповеди имеет значение и то, в какие слова облекается именование того или иного греха. Слова должны открывать, обнажать, а не скрывать грех. Уж если приносится покаяние во лжи, то пусть это будет ложь, а не неправдоглаголание, если болтливость, то - болтливость, а не многоглаголание. Иначе стремление придать своему греху неотталкивающее звучание может привести к тому, что убийцы начнут каяться в человекозарезании. За всем этим стоит какое-то странное желание не уронить свой имидж в глазах исповеду-

ющего, сгладить свою вину, изобразить свой грех менее значительным, чем он есть. Чтобы такого не допускать, нужно перед исповедью себе напоминать, для чего ты идешь на покаяние: чтобы каяться или чтобы оправдываться?

Вот говорят: это - грех, то - грех. Насчет убийства, например, я не спорю, а вот почему, как я слышал, красить могильные ограды в высокосный год - грех? Есть ли какие-то признаки, по которым можно узнать, что грех, а что - нет?

Признаки такие есть, самый яркий - это наша совесть. Если она неспокойна - значит, есть опасность греха. Поэтому, кстати, она и называется совестью, со-ведением, что благодаря ей человек ведает, что творит, понимает: по-божески он поступает или нет. Однако известно, что совесть поддается приручению и может молчать тогда, когда должна тревожить, и наоборот (что происходит реже) - найти повод для сомнения там, где его нет. Поэтому совесть нужно доверять по Евангелию - читать его чаще и спрашивать совесть: а так ли мы живем, как нам Христос заповедал? Чтением Евангелия со временем у человека вырабатывается особое нравственное чутье, благодаря которому можно, не вдаваясь в глубокий анализ головоломной ситуации, определять ее (ситуации) нравственный заряд - положительный или отрицательный. Ведь для того, чтобы определить, испортилась пища или нет, не обязательно отдавать ее на экспертизу - достаточно просто понюхать. Подобным образом помогает человеку и нравственное чутье.

Что касается могильных оград, упомянутых в вопросе, то здесь мы сталкиваемся с суеверием. Главная отличительная черта суеверия - его нелогичность, бессмысленность. Ну, в самом деле: почему нельзя красить оградки в высокосный год? Есть этому какое-либо объяснение? Очень сомневаюсь. В запретах же, если они налагаются на человека Церковью,

всегда есть смысл, и всегда он восходит к ключевому моменту - соответствуя наших поступков воле Божией. Классическое определение греха, кстати, так и звучит - нарушение воли Божией.

Так что в следующий раз, когда нам придется столкнуться с утверждением, подобным упомянутому високосногодному запрету, прибегнем к излюбленному детскому вопросу: «А почему?»

В церковных книгах часто встречается слово «страстъ», но не могу понять, в каком смысле. Например, страсть отчаяния - это что, стремление совершать рискованные (отчаянные) поступки? Или страсть уныния - вообще непонятно, как можно страстно унывать?

Есть такая церковная наука - аскетика, как всякая наука, она имеет свою терминологию. Встречающееся в церковных книгах слово «страстъ» - это как раз аскетический термин. Это церковнославянское слово, переводимое на русский язык как «страдание». Называют страсти страстями по результату их действия на душу человека - они всегда приносят мучения, потакание страстям умножает страдания человека и его окружающих. В современном русском языке слово «страстъ» употребляется в другом смысле, оно описывает особое напряженное эмоциональное состояние человека. Отсюда и недоумение автора вопроса. Знакомясь с церковнославянским языком, подобные случаи перевалификации слов встречаешь нередко. Например, в церковно-славянских текстах равнодушный человек - это близкий друг, равный по душе. Сейчас же мы так назовем человека, безразличного к окружающим.

Страсть я бы попытался объяснить как некий внутренний, в душе человека внедрившийся корень греха, его (греха) основание и источник. Это состояние души, которое обнаруживает себя в грехе, подобно тому, как радость обнаруживает себя в улыбке.

Человеческие чувства могут переживаться и без видимых проявлений, так и страсть в человеке тоже может существовать, внешне никак не проявляясь. В самом деле: если связать кого-либо по рукам и ногам, завязать глаза и заклеить скотчем рот - грешить он не сможет, но безгрешным от этого не станет, грехи его будут томиться до поры до времени, чтобы при первой же возможности пустить побеги, как сорняк, отродившийся от остатка корня в земле. И пока в нашей душе та или иная страсть не искоренена, она неизбежно при каждом удобном случае будет прорастать и приносить греховные плоды. Все наши грехи - это побеги от корня той или иной страсти. Количество страстей ограничено. Большие специалисты в этой области - святые Отцы - выделяют следующие страсти: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Некоторые объединяют печаль и уныние в одну страсть, и таким образом их получается семь. Спаситель говорил: «Исходящее из человека оскверняет человека. Ибо извнутрь, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихомство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, - всё это зло извнутрь исходит и оскверняет человека» (**Мк. 7, 20-23**). Эти слова довольно точно можно приложить к описанию действия страстей: если какая-либо из них завладела сердцем человека, то она придает особую окраску всем или почти всем его (человека) словам и поступкам. Среди страстей есть родонаачальница, от которой произошли все остальные страсти - это гордость, чрезмерно раздутое «Я». Отсюда и борьба со страстями, искоренение их возможны только тогда, когда человек старается преодолеть не только ту или иную страсть, но и саму гордость.

Упоминавшееся отчаяние - это состояние разуверенности человека в возможности своего спасения. Обычно это ощущение нападает после совершения какого-либо греха, оцени-

ваемого человеком в качестве греха непростительного. Конечно, есть грехи тяжкие, и совестливо, мучительное их переживание естественно для человека с нормальной нравственным чувством. Отчаяние начинается тогда, когда проявляется маловерие, когда человек считает, видимо, судя по себе, что Бог не сможет простить такого грешника, как он. А если всё равно погибать, то нечего мелочиться, нечего пытаться не грешить; погибать, так с музыкой - и человек пускается во все тяжкие.

Уныние - это тоже состояние разуверенности человека, но не в милости Божией, а в себе, в своей способности достичь спасения. Неуспешно попытавшись не грешить раз, два и три, человек поддается ощущению, похожему на то, что сейчас называют комплексом собственной неполнопочтенности. У человека опускаются руки: зачем делать вообще что-либо, если итог и так известен - недостоин я Царства небесного. Уныние по корню своему очень похоже на отчаяние, противоположно лишь по проявлению. Отчаяние - активное, а уныние - пассивное проявление маловерия. Поэтому состояние отчаяния, если строго следовать классификации, можно отнести к проявлению страстей уныния.

Как ни странно может показаться, но и отчаяние, и уныние - это проявления гордости. В первом случае человек присваивает себе право решать от лица Бога: какой грех простительный, а какой - нет. Свое мнение: «Как МНЕ кажется» человек принимает во внимание более, чем множество примеров неизмеримой милости Божией. Во втором случае человек склонен не принимать во внимание участие Бога в деле нашего спасения. У истока уныния лежит мысль: «Я спасаюсь САМ», а уныние - всего лишь плод разочарования в своем самомнении, когда действительность эту мысль опровергает. В обоих случаях человек замкнут на себе - а это и есть гордость.

Как бороться с подобными состояниями? Прежде всего, постараться разомкнуться, вспомнить о Боге, о

тому, что Он есть любовь, принести Ему покаяние в содеянных грехах, пусть и в сотый-двуихсотый раз. Нужно постараться расшевелить в себе «чаяние паче чаяния» как называл это чувство преподобный Кассиан Римлянин, то есть надежду на милость Божию, несмотря на всю кажущуюся безнадежность прощения и исправления. А еще святые Отцы советуют больше трудиться, чтобы унынию не было времени разъедать мысли, а еще помогает искреннее бескорыстное добрео дело.

Можно ли пользоваться косметикой?

Я склонен считать, что всё хорошо в меру, и склонен распространять это мнение на употребление косметики. Прежде всего, конечно, стоит оговориться об оздоровительной косметике, употребление которой имеет целью сохранение телесного здоровья, - в этом случае поводов для настороженного отношения я не вижу. Появляются они (поводы насторожиться), когда речь заходит о косметике как способе украшения тела.

Как всегда, для того, чтобы дать оценку явлению, нужно постараться выяснить побуждающие его причины. Ради чего употребляется косметика: чтобы скрыть какие-то недостатки - или же для того, чтобы привлечь внимание окружающих. К первому слушаю я отношусь именно так, как и говорил - косметика хороша в меру. Стремимся же мы бороться, например, с запахом пота, который, хоть и естественен, но неприятен для окружающих. Подобным образом, я думаю, возможно уменьшить неприятное впечатление от дефекта своей внешности, скрыв его с помощью косметики.

А вот во втором случае косметика приобретает характер боевой раскраски. Индеец своим размалеванным лицом честно предупреждал каждого встречного о своих недобрых намерениях: «Ищу врага». Подобным образом и боевая раскраска женщины (во избежание обвинения в гендерном подходе к явлению нужно заме-

тить, что с недавних пор не только женщины, но и своеобразного склада мужчины) несет в себе определенную информацию. Осознанно или нет, но такая женщина предупреждает встречных о том, что она находится в состоянии поиска, но не врага, а ... самца. Неприятно, конечно, это говорить, но как иначе расшифровать подобную нательную живопись? «Ищу единения?» «Не хочу привлекать внимания?» - вряд ли. Еще один, по-моему, приемлемый вариант расшифровки: «Мне нравится, когда меня рассматривают». Он просто неизбежно логически разворачивается далее: «Рассматривают - значит, и оценивают», а оценивают на предмет чего? На предмет привлекательности, и, согласитесь, не интеллектуальной, а телесной, острее - физиологической.

Трудно сочетать такую озабоченность с православным мировоззрением и самоощущением. И по мере того, как человек это осознает (заметьте, слово «человек» я употребил по отношению к женщине), вопрос об употреблении косметики сам собой отпадает. Поэтому в своей пастырской практике я не считаю необходимым усердно бороться с употреблением косметики, проще и лучше - помочь человеку вжиться в систему православных нравственных ценностей, и тогда употребление косметики само собой минимизируется до вполне приемлемого и оправданного.

Можно ли общаться с людьми другой веры? А дружить? А молиться за них?

Думаю, что на все три вопроса можно ответить «да». Теперь выскажу соображения по каждому вопросу в отдельности. Если бы существовал запрет на общение с людьми другой веры, христианство погибло бы в зародыше, ведь такой запрет делает невозможным проповедь Евангелия. Другое дело, что такое общение делает возможным и противоположное: переход из христианства в другую веру. Но если попытаться исключить из жизни всё, что потенциально может привести к утрате или перемене

веры, то придется заткнуть уши, завязать глаза и в одиночестве влачить свое существование. Не думаю, что кого-либо такой образ жизни устроит, не думаю также, что и Бога мы этим порадуем. Поэтому, на мой взгляд, в общении с иноверцами нужно провести некую черту между отношениями в повседневных делах и в вопросах веры. В повседневных делах - полная свобода общения, в рамках, конечно заповедей. В вопросах веры возможен обмен мнениями, обсуждение особенностей вер, сравнение их - всё это очень интересно и к тому же заставляет лучше узнавать свою веру и тверже её придерживаться, ведь волей-неволей в таком случае человек становится или защитником, или проповедником христианства. И в этом деле важно помнить, что особую убедительную силу имеют не столько слова, сколько дела. Христос об этом говорил: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (**Мф. 5,16**). Прервать общение с иноверцем, как, впрочем, и с любым другим человеком, следует в том случае, если мы наталкиваемся на навязывание своей веры, когда человек даже не пытается соотносить свои проповеднические усилия с нашим желанием их воспринимать, если мы слышим откровенную и сознательную хулу против нашей веры, если собеседник одержим спором по вопросам веры. Когда человек по отношению к нам глух, то вряд ли возможна и имеет смысл «игра в одни ворота».

Дружба между людьми разных вер не только возможна, но и желательна, она, безусловно, лучше вражды. Рассказ Лескова «Сказание о Феодоре-христианине и о друге его, Абраме-жидовине» описывает пример такой дружбы между христианином и иудеем, дружбы, прошедшей через серьезные испытания, в том числе и через испытание рознью. И хотя со всеми мнениями, вложенными автором в уста своих героев, я согласиться не могу, но главная мысль их рассуждений верна: тот, кто находится в

состоянии вражды, далек от Бога, каким бы он Его ни представлял. Если человек с ближним не может наладить отношения, то как он сможет наладить отношения с Богом, столь далеким от нашего разумения?

Молитва за иноверных возможна, но, разумеется, с оговорками. Поскольку человек не изъявил желания присоединиться к Православной Церкви, она (Церковь) не может навязывать такому человеку своих молитв. Поэтому церковное поминование иноверцев на литургии, молебнах, панихидах, иных молитвенных последованиях не совершается, за них не подают записки о здравии и упокоении. Единственный способ возможного их церковного поминовения - это звучащее на литургии и других службах прошение «О богохранимой стране нашей, властех и воинстве ея». Когда мы так молимся, то, естественно, имеем в виду, что не все представители нашей страны, власти и воинства - православные.

Есть еще такое понятие, как молитва келейная, то есть личная, совершающаяся человеком в келье (то есть дома), наедине с Богом. В такой молитве можно и нужно поминать и своих знакомых иноверцев, если к этому подталкивает нас чувство дружбы. Помня о том, что Бог любит каждого человека и даже каждую тварь, мы можем просить Его о том, чтобы Он не обделял тех, за кого мы молимся, Своими благами, нашел ключик к их душам и привел к величайшему из возможных благ - познанию Себя.

Что такое прелест? Читаю какую-то церковную книжку и никак не пойму: прелест, оказывается, что-то плохое, а я привыкла, что так говорят о чем-то достойном восхищения.

Церковное слово «прелесть» можно понять, если обратиться к его корню - «лесть». Лесть - это род лжи, и прелестью называют такое состояние человека, когда он находится в ложном мнении о себе, своем духовном состоянии. Он прельщается относительно качеств своей души. Один из

самых распространенных примеров такого состояния можно проиллюстрировать на любом из нас. Потому что каждый из нас ощущает себя хорошим человеком, а это - ложь, это самообман, это лесть себе, то есть - прелест.

Состояние прелести чрезвычайно губительно. Ведь если человек опасно болен, но этого не осознает или не хочет осознавать, то он, соответственно, не предпринимает мер к лечению и, соответственно, болезнь его одолеет - он умрет. Наряду с болезнями тела есть и болезни души, и если на них не обращать внимания, они также приведут человека к смерти духовной, к гибели души, к ее вечным мукам.

Выздоровление человека начинается не иначе как с осознания того, что он болен, с постановки диагноза. Поэтому чрезвычайно важно каждому из нас увидеть - где и в чём мы прельщаемся относительно себя. Вернемся к нашему примеру. Почему я (как и каждый другой) считаю себя хорошим человеком? Я могу, конечно, говорить, что я не такой уж и хороший, далеко не идеальный, но, поверьте, я просто так говорю, а внутри чувствую совсем другое. Ну-ка, кто-нибудь, обратись ко мне грубо, задень мое самолюбие - я возмущусь, потому что считаю себя достойным лучшего отношения, потому что чувствую себя хорошим.

Откуда проистекает такое самомнение - не секрет. Всё познается в сравнении. Мы всегда, сознательно или неосознанно, сравниваем себя с другими, и в результате этих сравнений получается примерно такая картина. Сосед мой пьет каждый день, а я - через день, следовательно, он - плохой, а я - ...? Хороший! Сосед бьет жену каждый день, а я - только по выходным, значит, он - плохой, а я - ...? Хороший! И так далее, и тому подобное. Так уж устроен каждый из нас, что мы найдем, с кем себя сравнить и чувствовать себя неплохим, в сущности, человеком. Поверьте, мне приходилось слышать: «Но ведь зрято я никого не убивал!» Нет предела нашему самообману, нашей прелести.

Как же быть, как увидеть, каков я на самом деле? Опять же - в сравнении. Только для него (для сравнения) нужно смотреть не на соседа, а на Того, Чье имя мыносим - на Христа и сравнить свои и Его поступки, мысли, отношения с окружающими. Он - пример того, каким должен быть обычный, нормальный человек, и как этот человек должен относиться к другим. Пожалуй, о самом ярком примере отношения Христа к людям нам напоминает крест, который мыносим на груди. На кресте Христа распяли, в живого заколачивали гвозди. Нам, современным людям, для которых «больно» - это когда палец иголкой уколол, невозможно даже представить, какую боль испытывал Христос. Ужасную. Но как Он вел Себя по отношению к людям, которые Ему эту боль причиняли: ругался? матерился? плевался? проклинал? Нет - молился. И молился не о том, чтобы злодеяния Его распинающих были отомщены, а наоборот: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (**Лк. 23,34**). Него-дляи в Христа гвозди заколачивают, а Он заботится о том, чтобы они избежали за это кары, чтобы не пострадали за совершенное!

А теперь сравним это с тем, что происходит в нашей жизни. И мы увидим, что нет никакой необходимости заколачивать в нас гвозди, достаточно нам на ногу наступить, впрочем, даже физического воздействия не нужно, достаточно кому-нибудь сказать несколько слов поперек нас - как мы отнесемся к такому человеку, что мы почувствуем по отношению к нему? Заботу? Неприязнь! И чаще всего - ярко выраженную. Какие там гвозди! Достаточно двух-трех слов, чтобы наша «хорошесть» слетела как шелуха и проявилось то, какие, оказывается, мы есть на самом деле. Никаких эпитетов не подобрать, насколько ощутима разница между тем, какими мы должны быть, и тем, какие мы, к сожалению, есть на самом деле!

Если человек осознаёт или хотя бы пытается осознать это, - возможно его выздоровление, если нет - так и бу-

дет всю жизнь катиться под гору, надевая безнадежно розовые очки при каждом взгляде на себя. И нетрудно догадаться, что сквозь стекла этих очков все будет выглядеть просто прелестно!

**Что такое духовная цензура?
Нужна ли она, не достаточно ли указать автора, чтобы его авторитет сам говорил о содержании книги - достойна она доверия или нет?**

Духовная цензура в широком смысле этого слова - это суд, суждение Церкви о том или ином учении. Поскольку любое учение выражается в словесных формулировках, а они чаще всего фиксируются письменно, то духовная цензура в узком смысле слова - это суждение Церкви о содержании того или иного издания. Ранее цензура распространялась на письменные источники, сейчас, естественно, она распространяется и на электронные носители информации. Цензура в Церкви, да и в жизни, необходима, нельзя же игнорировать вопрос: «Что такое хорошо и что такое плохо?». Вот Церковь и говорит, как то или иное утверждение, то или иное издание соотносится с православной верой. По-моему, это естественно.

Конечно, если указан автор книги, то именно он несет ответственность за ее содержание, и до тех пор, пока он не касается вопросов веры, какие-то официальные заявления Церкви о качестве содержания книги излишни. Зачем, например, давать оценку каким-нибудь заметкам любителя путешествий, да и как оценивать такие произведения: с точки зрения целесообразности проложенного маршрута? Но Церковь - не географическое общество и попросту некомпетентна, да и не должна быть компетентна в таких вопросах. А вот в случаях, когда автор книги вопросов веры касается, а тем более говорит «мы, православные, считаем так-то и так-то» (то есть пытаются говорить от имени Церкви), церковная цензура вполне уместна.

Особый и отдельный разговор - о

форме реализации цензуры. В отличие от католиков, православные, насколько мне известно, никогда не увлекались сжиганием книг и их авторов, хотя охранительные меры предпринимались, особенно в те времена, когда Православная Церковь сближалась с государственной машиной и государственные деятели стремились выражать и поддерживать интересы Православия теми методами, к которым сама Церковь прибегать не могла. Скажем, вынести суждение о каком-либо учении, что оно - ересь, Церковь может, но преследовать её (ереси) последователей не может и не должна. Такого рода преследования предпринимались светской властью, которая считала, что для Православия нужно создавать положение максимального благоприятствия. После ленинского декрета об отделении Церкви от государства церковная цензура, естественно, не влечет за собой никаких принудительных мер и заключается в оценочном суждении по поводу того или иного произведения.

Духовная цензура нужна людям, которых не устраивают личные мнения, которые хотят знать, как говорится, официальную точку зрения Церкви на то или иное явление, хотят иметь гарантию достоверности и авторитетности информации. Сейчас духовная цензура проявляется в преподании благословения церковными иерархами на то или иное издание. Если мы откроем книгу и увидим надпись «По благословению такого-то митрополита или епископа», то это и есть признак того, что издание прошло некую проверку и за то, что содержание книги достоверно отражает веру Церкви, ручается тот или иной видный церковный человек.

Когда-то я каялась в своих грехах, но делала это постольку, поскольку нужно было, просто признавая грехи, без особых переживаний. Теперь же я иначе их воспринимаю, сокрушаюсь о сделанном, хочется каяться снова. Нужно ли это делать?

Есть такая пословица: «Лучшее - враг хорошего». В жизни такое бывает не так уж редко: человек достиг каких-то неплохих результатов, но не захотел на них остановиться, замахнулся на большее, а достичь не смог, к тому же заодно растратил и то, что было.

То, что человек каётся в своих грехах, хотя бы признавая лишь рассудком, без какого-то особенного сокрушения, что поступки его греховны - уже хорошо. Не сразу ведь получаются фигуры высшего пилотажа, для начала необходимо хотя бы оторвать самолет от земли. Если впоследствии в результате своего духовного роста человек переоценивает степень и качество своего отношения к совершенным грехам - тоже хорошо. Но вот мысленное возвращение к прошлым грехам и «переисповедание» их - неполезно.

А неполезно потому, что в таком случае человек рискует попасть в замкнутый круг: исповедовался, затем «переоцуптил» свой грех, «переисповедался» и опять «переоцуптил» - и так далее. Этот процесс может стать дурной бесконечностью, ведь в деле духовного роста нравственное чутье человека неизбежно все более и более заостряется. К тому же такое замыкание исповеди на прошлом отвлекает внимание от настоящего, и человек (так довольно часто в этом случае происходит) исповедует и переисповедует грехи прошлого, не замечая грехов нынешних. А это всё равно что вспоминать и анализировать прошлогодние прополки огорода, вместо того чтобы закатать рукава и вытаскивать сорняки, - очень рискуем остаться без урожая.

Но что же делать, если человека действительно настигло ощущение легковесности своего прежнего отношения к грехам? Каяться. Но не переисповедывать совершенные грехи, а просить у Бога прощения за свое легкомысленное отношение к содеянному, за духовную черствость, за состояние, как говорится в церковных книжках, «окамененного бесчувствия».

Я много раз исповедовался, но сомневаюсь: прощен ли мой грех. Как это узнать?

Вера в Бога подразумевает и всецелое доверие Ему, в том числе доверие силе Его прощения, осознание огромного, бесконечного масштаба Его милости. Господь установил в Церкви Своей таинство исповеди, в котором происходит прощение грехов и очищение души силой божественной милости. И сомневаться в этой силе - значит сомневаться в Боге. Поэтому сомнения в прощении Богом моего греха - от лукавого. Говорят, что дьявол губит человеческие души двумя способами. Прежде сотворения греха он рисует его (грех) в мысленном взоре искушаемого человека как нечто незначительное, простительное, для того, чтобы подтолкнуть человека к нарушению заповеди. Когда грех совершен - тактика меняется: теперь дьявол внушает человеку, что совершённый им грех очень велик и прощения ему нет, и не пуститься ли теперь во все тяжкие - всё равно погибать. Нельзя поддаваться действию лукавого, нельзя сомневаться в действенности исповеди.

Сомневается в силе божественного прощения тот, кто имеет смутное представление о том, что такое прощение, кто сам не склонен прощать другим обиды. И для того, чтобы такие сомнения преодолеть, достаточно просто понудить себя простить своих обидчиков. Простит человек обиду раз, другой - и поймет: если это получается у меня, так неужели у Бога на это сил не хватит? Хватит, и с избытком.

Однако уверенность в могущественной силе милости Божией не должна служить причиной легкомысленного отношения к своим грехам: мол, Бог добрый - все простит. Простить-то простит, но это не значит, что грех проходит бесследно. К примеру, родители запретили ребенку гулять без шапки, тот не послушался и заболел. Родители его поругали, но - куда деваться? - простили. Всё вроде бы замечательно, конфликт исчерпан, но болезнь-то осталась, и какое-

то время ребенок провел в постели, а в будущем, благодаря такому детскому легкомыслию, стали возможны осложнения в состоянии здоровья. Подобным образом и грех может иметь, и чаще всего имеет, последствия, в том числе далеко идущие. Память об этом и должна служить противовесом беспечному отношению к совершенным грехам.

Вот люди говорят, спорят: «Бог есть», «Бога нет». А мне как-то всё равно, точнее, я считаю, что Он есть, но к чему весь этот фанатизм: церковь, посты, непримиримость всякая? Пусть каждый верит как ему угодно.

Есть характерная индийская притча о слоне и слепцах, которые его окружили и пытаются на ощупь определить, какой он. Один слепец обхватил ногу слона и говорит, что слон похож на столб, другой держится за хвост и утверждает, что слон - это что-то вроде веревки, третий слепец, ощупав хобот, пришел к выводу, что слон - это какая-то особенная порода змей... Каждый из трех по-своему прав. Из этой притчи делается вывод, что все люди имеют разные, в чем-то частично правильные представления о Боге, разные религии по-разному говорят об одном и том же, а каков Бог есть на самом деле, не знает никто.

Всё это было бы верно, если бы Бог был так же равнодушен к копошащимся вокруг Него людям, как слон. Но это не так, люди Богу не безразличны, и Он людям Себя открывает. Все существующие религии разнятся между собой, и если предположить, что в каждой из них Бог Себя открывает, то придется именно Ему, Богу, приписать авторство существующих в различных верах противоречий. Но Бог не может Сам Себе противоречить, не может одним людям открывать правду, другим - полправды, а третьим - остатки правды. Это люди в силу своей ограниченности зачастую вынуждены что-то прежде сделанное дополнять, переделывать, исправлять. Но Бог-то ничем не ограни-

чен, всё, что Он делает, Он делает сразу, с первой попытки, совершенным и не требующим исправлений и дополнений. Это касается и Его откровения нам. Уж если задумает Бог явить Себя людям, то сделает это «одноразово» и в максимально возможной полноте. Отсюда вывод, что если среди существующих религий есть истинная, то она - одна, как и Бог - один, и откровение Его - одно.

А значит, не всё равно, во что верить. Значит, утверждение, что у каждого свой Бог, нуждается в поправке: у каждого - свой божок, и далеко не факт, что наши личные представления о Боге совпадают с действительностью. А значит, весьма сомнительно, что дела, совершаемые нами ради приближения к своему божку, сделают нас ближе к Богу. Поэтому в вере, как и в любом другом деле, прежде всего и важнее всего правильно определиться с целью наших стремлений. Потому что от того, к чему стремится человек, все его дела приобретают значение хороших или плохих. Ведь что происходит на войне: две противоборствующие стороны занимаются одним и тем же делом - убивают друг друга, но одни из них - герои, а другие - негодяи. Почему? Потому что различны причины, по которым те и другие действуют, есть разница в цели их действий. И это, оказывается, самое главное. В деле веры тоже внешне все религии похожи друг на друга: все предписывают определенные правила поведения, все имеют тот или иной культ, все молятся, и т.д., главная разница между религиями не в этом, а в том, к какой цели предполагается приблизиться поведением, культом и молитвой, к какому Богу.

Правильный выбор цели делает все предпринимаемые усилия полезными, неправильный - напрасными и даже излишними. Если, стреляя из лука, ошибиться в прицеле, то чем сильнее натягивается тетива, тем дальше будет стрела от цели. Поэтому, если мы хотим не просто верить в Бога в «душе», не просто констатировать факт Его существования, но же-

ляем достичь с Ним каких-то отношений, то становится чрезвычайно важным, в какого бога верить.

Каков Бог, различные веры говорят по-разному. И это очень ярко видно, если перейти на личности. Нужно посмотреть: кого та или иная религия предлагает в качестве образца для подражания. В самом деле, разве можно сказать, что, допустим, Христос и Будда - близнецы-братья? Один говорит: люби Бога и ближнего, и тогда достигнешь вечной жизни, другой - нужно стремиться к вечной смерти путем отказа от всех своих чувств (и хороших, и плохих). Что между ними общего? Или, например, можно ли, не насиляя идей Христа и Мухаммеда, утверждать их единомышленность, когда один из них - строитель исламского государства, а другой говорил, что царство Его не от мира сего?

Несмотря на свою кажущуюся схожесть, все религии различны в самом главном - в том, каким они видят Бога. А если путь к Богу состоит в подражании Ему, то и жизненные идеалы человека разные веры определяют по-разному. Да и конечная цель существования человека - рай, Царство Небесное - описывается по-разному. Поэтому верить каждый из нас может, действительно, как угодно, но Бог-то не будет подстраиваться под наши представления о Нем. Да и Царство Небесное нельзя оформить под заказ.

Вот часто слыши: святые Отцы говорили, читайте святых Отцов. А кто они такие?

Святость - явление очень многообразное, в этом можно убедиться, заглянув в православный календарь. Мы увидим, что святые именуются муче-

никами, преподобными, исповедниками, блаженными и т.д. Довольно много таких наименований, но «святых Отцов» мы там не увидим, потому что так принято называть тех из канонизированных святых, чьи мысли и мнения по вопросам веры и христианской жизни известны Церкви (то есть чаще всего сохранились какие-то письменные их труды) и признаются Церковью авторитетными. То есть в понятие «святой Отец» вносится смысл учительства: образ жизни и мысли святых Отцов был не только спасителен для них самих, но в силу различных обстоятельств приобретал общеизвестный характер и служил ориентиром для других. Чаще всего среди святых Отцов мы встречаем преподобных - тех святых, кто вел монашеский образ жизни, и святителей - иерархов Церкви. Условно (очень условно, потому что рисуемая грань не жесткая) можно сказать, что одни из них преимущественно учили правильной жизни, а другие - правильной вере.

Святых Отцов, действительно, очень полезно читать, поскольку в этом случае человек приобщается к их коллективному разуму. Известна пословица о том, что один ум - хорошо, а два - лучше. Что же тогда можно сказать о единомыслии сотен человек! Насколько авторитетным, продуманным, надежным будет мнение, имеющее под собой такой фундамент! Когда нас спрашивают о нашем мнении по тому или иному поводу, то часто (и справедливо) ответ свой мы начинаем словами: «Как мне кажется...» Обращение к святым Отцам и согласование своих мыслей с ними позволяет нам избавиться от этого присловья.